

АНАСТАСИЯ ГЛАДОЩУК

[174]

ИЛ 11/2020

Неврозы благоденствия

Признанных классиков швейцарской литературы Коринну Бий (1912—1979) и Жака Шессе (1934—2009) привычно упоминают рядом в связи с Гонкуровскими премиями, которые они, преодолевая разрыв поколений, получили с интервалом в два года: в 1973 году Шессе завоевал внимание Академии романом “Людоед”, а в 1975 году Коринна Бий была награждена Гонкуровской стипендией за сборник новелл “Дикарка”. Но не будь этого формального основания, о Коринне Бий и Жаке Шессе все равно следовало бы говорить вместе, поскольку по-настоящему их роднит не столько писательское мастерство, сколько дерзость воображения, сочетающаяся с целомудренной зачарованностью швейцарской природой и проявляющаяся в чувственной конкретности языка, вкусе к жестокости, интенсивном переживании телесности на образно-сюжетном уровне. Все эти черты в полной мере проявились в новеллах данной рубрики, которые объединяет как время создания — то самое знаменательное для Бий и Шессе десятилетие, 1970-е годы, — так и место действия — окрестности двух самых больших озер франкоязычной части Швейцарии, Леман (также называемого Женевским) и Невшатель.

Когда в октябре 1973 года издательство “Нувель ревью франсез” готовило подборку новелл со всего мира для специального номера (“Похвала новелле”), по решению редакторов, именно Коринна Бий представляла Швейцарию, и выбор их пал на “Узел”¹ — новеллу, действительно дающую ключ к поэтике автора, выразительное определение которой мы находим в написанной чуть раньше статье Шессе “Читая Коринну Бий” (*Une lecture de Corinna Bille*, 1971)²: “Коринна Бий — это своеобразная интонация, кото-

© Анастасия Гладощук, 2020

1. C. Bille. Le Nœud // La Nouvelle Revue Française. 1973. № 250 (octobre): Nouvelles françaises et étrangères. — P. 42–49.

2. Это эссе стало впоследствии одной из глав книги с провокационным заглавием “Священное Писание” (*Les Saintes Écritures*, 1972), которую Шессе посвятил двадцати трем собратям по перу — швейцарским франкоязычным авторам. В связи с этим интересным представляется первое, опосредованное перепиской, впечатление Бий о Шессе, которым она делилась со своим мужем Морисом Шаппа в начале 1962 г.: “Мне показалось, что Шессе всецело поглощен собой как Писателем, но при этом он очень трогательно восхищается другими. Если говорить обо мне, то меня он воспринимает не слишком всерьез, ну и ладно”. (M. Chappaz, C. Bille. *Jours fastes. Correspondance* (1942–1979). — Genève: Zoé, 2016. — P. 965.)

рую мы сразу же улавливаем, которая нами овладевает и которую невозможно забыть: приглушенный, изумленный голос — стоит нам его услышать, как мы понимаем, что любое событие способно до глубины души потрясти, поразить, удивить рассказчицу, и что рассказом своим она пытается себя защитить, исцелить, успокоить, — а говорить она начинает, еще не оправившись от потрясения, сама с собой. Станный, немного безумный, растерянный голос — не очень хорошо поставленный, танцующий, он потому так сильно нас увлекает, что со всей откровенностью, самим своим смятением признается в неодолимах страхах и желаниях, страсти к миру, нежности, исполненной тревоги, любви к телам и душам! <...> Мы видим, что Коринна Бий все более и более настойчиво отдается в своем творчестве под двойное покровительство невинной чувственности и смерти. Мякоть света и экспрессионизм”¹. Невозможная, кровосмесительная любовь, жажда первоначальной цельности, восходящая к важному для писательницы мифу об андрогине, сопричастность человеческого, и прежде всего женского, существа природным стихиям, в особенности воде — таковы постоянные мотивы творчества и снов Бий, которые она на протяжении десятилетий регулярно записывала в отдельные тетради. В новелле нашли также отражение самые ранние детские впечатления Бий о “райских озерных пейзажах (Леман или Невшатель?)”², вдоль которых она должна была проезжать на первой, купленной в год ее рождения, машине отца, ведь у художника Эдмона Бий было несколько необыкновенных, казавшихся его дочери сказочными домов, один — в родном для матери писательницы кантоне Вале, настоящий замок, окруженный садом и виноградниками, другой — в родном для него самого кантоне Невшатель, и, по воспоминаниям Бий, вместе со своими многочисленными братьями и сестрами, они много путешествовали и жили как настоящие принцы.

Из воспоминаний детства выросла и новелла Жака Шессе “День расследования Артура Блоха” из сборника “Куда улетают умирать птицы” (*Où vont mourir les oiseaux*, 1980). Попавшийся на глаза главному герою газетный заголовок — “Преступление 1942 года” — отсылает к написанному Шессе в 1967 году автобиографическому очерку, которому он дал точно такое же название. 16 апреля 1942 года, за несколько дней до дня рождения фюрера, в родном городе писателя, Пайерне, группа прогитлеровски настроенных молодых людей убивает еврея Артура Блоха, торговца скотом из Берна. Его останки были найдены в бидонах на дне Невшательского озера. Шессе, которому на тот момент было восемь лет, оказался невольным свидетелем этих событий, поскольку родители многих его одноклассников были в той или иной роли причастны к этому делу: сам писатель сидел за одной партой с дочерью главара — механика-самоучки, известного распутника Фернана

1. J. Chessex. *Les Saintes Écritures*. — Lausanne: Éditions Bertil Galland, 1972. — P. 107, 110.

2. C. Bille. *Deux maisons perdues*. — Boudry-Neuchâtel: Éditions de la Baconnière, 1989. — P. 74.

Иши, с ними вместе также учились сыновья задержавшего Иши начальника караула и судьи, выносившего приговор убийцам. Каждый день мальчика проходил в страхе за собственного отца (а был он руководителем местных школ, видным преподавателем и филологом), поскольку кабинет Пьера Шессе находился в том самом доме, где в ожидании суда отбывали заключение преступники. Впоследствии станет известно, что имя Шессе фигурировало в списке будущих жертв шайки. Это событие — едва заметное и “ожидаемое” в масштабах общеевропейской катастрофы — имело большой резонанс в сумевшей сохранить нейтралитет и дать отпор деятельности местных фашистских движений Швейцарии (показательно, что в 1973 году по швейцарскому телевидению была показана серия документальных фильмов “Швейцария и война”, один из которых был посвящен Артуру Блоху, а в 1977 году — время действия новеллы Шессе — журналист Жак Пиле готовит еще один обстоятельный телевизионный репортаж, в одном из эпизодов которого Шессе дает интервью, и выпускает книгу “Преступление пайернских нацистов”) и оставило глубокий след в художественном сознании Шессе, о чем свидетельствует тот факт, что он не единожды “проживает” его в своем творчестве, а под конец жизни, в своей предпоследней книге — “Образцовый еврей” (*Un juif pour l'exemple*, 2009), — вышедшей всего за несколько месяцев до его смерти, решает из чувства долга провести собственное “расследование”, создавая живые портреты преступников и жертвы и в то же время — автопортрет.

Насилие, выход которому дают в своем творчестве Коринна Бий и Жак Шессе, — признак назревшей ко второй половине XX века потребности в самокритике швейцарского духа, на которую обращал внимание крупный писатель и философ Дени де Ружмон в своей книге “Швейцария, или История счастливого народа” (*La Suisse ou l'histoire d'un peuple heureux*, 1965, 1970), поставив под вопрос представление о том, что “у счастливых народов нет истории”. Не случайно героине Коринны Бий вспоминается трагедия в Майерлинге, за счет чего ненадежная, вытесняемая вымыслом реальность изолированной швейцарской жизни уравнивается в правах с “большой историей”. Таковы, говоря словами Ружмона, проявления смутного, неосознаваемого чувства вины за собственное благополучие, “невроты благоденствия”¹.

1. D. de Rougemont. *La Suisse ou l'histoire d'un peuple heureux*. — Lausanne: L'Âge d'Homme, 2002. — P. 273.